

РАЗДЕЛ 4. ОСОБЫЕ ПУТИ РОССИИ: ВНЕ СТОЛИЦ И МЕГАПОЛИСОВ

АРТЕМИЙ ПОЗАНЕНКО¹

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: К РАЗВИТИЮ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ²

В 1990-е годы в провинциальной России произошло значительное «сжеживание» системы общественно-го транспорта. В первую очередь это относится к водному транспорту и малой авиации. В большинстве регионов европейской России (Сибири и Дальнего Востока это коснулось в меньшей степени) они исчезли почти или полностью, в остальных количество обслуживаемых маршрутов уменьшилось многократно³, а стоимость проезда значительно увеличилась. В результате многие российские села, не связанные с большой землей всесезонными дорогами, оказались в пространственной изоляции (здесь и далее под изолированными будут пониматься те населенные пункты, из которых затрудни-

¹ Позаненко Артемий Алексеевич — аналитик Лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ.

² Текст является дополненной (последний абзац) републикацией статьи: Позаненко А.А. Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. Т. 40. № 4. С. 244–255.

Автор благодарен Н.Н. Жидкевич за ценные советы, касающиеся логики построения статьи.

³ Илын В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 25–47.

тельно добраться даже до районного центра). В некоторых районах Севера с низкой плотностью населения и слабой развитостью дорожной сети таких сел большинство, а их население составляет существенную долю от населения района.

Пространственная изоляция наблюдается и там, где для нее вроде бы нет объективных природно-ландшафтных предпосылок. Это может являться результатом исторических, системных, административных, экономических процессов. Особенно такая изоляция характерна для территорий, прилегающих к региональным и даже муниципальным границам. Например, не столь далекие от Москвы Костромская и Вологодская области соединены между собой всего одной всесезонной автомобильной дорогой, и это несмотря на наличие населенных пунктов с обеих сторон их границы, протяженность которой составляет примерно 600 километров. Такая же картина наблюдается и на двух других костромских границах — с Кировской и Нижегородской областями. Таким образом, многие приграничные деревни оказываются в изоляции — граница непроницаема, сами они находятся вдали от транспортных магистралей и своих районных центров, а добраться до них можно только по плохим проселочным дорогам, по которым не ходит общественный транспорт.

Среди исследователей российского пространства доминирует точка зрения, что депрессивность и депопуляция сельской местности нарастают по мере удаления от региональных центров и крупных городов, а «центр — периферия», соответственно, является основной осью, по которой можно проследивать различия в жизни территорий. Т.Г. Нефёдова описывает эту тенденцию, поделив пространства регионов на несколько поясов: пригороды, полупригороды, полупериферия и периферия¹.

В.Л. Каганский убежден, что из четырех основных типов культурного ландшафта (центр, провинция, периферия, граница) территориально преобладающим в России является периферия, причем бывает она не только дальней (например, Эвенкия), но и внутренней, занимающей значительную и непрестанно растущую часть староосвоенных и даже наиболее развитых регио-

¹ Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 363–367.

нов¹. Ее существование обусловлено моноцентричностью организации российского пространства как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов и районов. Села, как правило, хорошо связаны с районным центром, районы — с центром региональным, а региональные центры — с Москвой. Горизонтальные связи развиты крайне слабо, а часто и вовсе отсутствуют, соседи никак не взаимодействуют и ничего друг о друге не знают². Таким образом, в классическом регионе все, кроме зоны вокруг местной столицы и неширокой полосы вдоль ведущей в Москву магистрали, оказывается внутренней периферией, зоной ренатурализации ландшафта, социальной катастрофы и повального алкоголизма³. В местах, потерявших связь с большой землей, по логике государства, населения быть не должно, а должны сохраняться/возникать «закрытые зоны»⁴, то есть места, куда никто и никогда не проникает.

Б.Б. Родоман⁵ и В.Л. Каганский⁶ считают, что пространства вдоль региональных границ как селитебные и хозяйственные зоны обречены. Родоман предлагает создать эконет, непрерывную сеть из особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и даже заповедников (на стыках трех регионов, где сосредоточена самая глушь), нитями которой будут именно внутренние границы. Каганский, соглашаясь с этим, и вовсе выступает за создание

¹ Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.

² Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–89; Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 26–37.

³ Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.

⁴ Каганский В.Л. Ландшафт. Империя. Россия // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 15

⁵ Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–89.

⁶ Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.

ООПТ на большей части внутренней периферии. Он утверждает, что остающиеся местные жители заняты в том числе браконьерством, и считает это одним из признаков социальной катастрофы¹, однако ничего не говорит об их перспективах в случае создания ООПТ, которое, очевидно, приведет к ломке их образа жизни. Родоман, напротив, выступает за консервацию и институционализацию натуральной жизни, ведомой немногочисленными местными жителями, и считает, что их нужно наделить правами аборигенов². Действительно, жителям слабозаселенных местностей, не имеющих отношения к коренным малочисленным народам, запрещено свободно ловить рыбу или заготавливать древесину для собственных нужд, этот вопрос на законодательном уровне и не поднимается, хотя обсуждается даже, например, разрешение вольного приноса золота³.

Основываясь на вышесказанном, логично предположить, что устойчивость сельских сообществ должна ослабевать с ростом пространственной изоляции. Однако, изучая работы иных авторов, можно прийти к противоположному заключению.

Общины (в некоторых переводах — общины), определенные и описанные Ф. Теннисом и имеющие прототипом первобытные кровнородственные общины, характеризуются сплоченностью, развитой взаимопомощью, привязанностью людей к своей земле (соответственно, малой миграционной мобильностью населения), единодушием, отсутствием письменного права и денежных отношений. Они наиболее вероятны в условиях родства и/или многопоколенного соседства и минимальной вовлеченности в жизнь глоболизирующегося мира⁴, что как раз характерно для многих изолированных сообществ. К. Поланьи также указывал на то, что в сообществах, скрепленных родством или соседством, наиболее вероятно возникновение реципрокных, безденежных

¹ *Каганский В.Л.* Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 27.

² *Родоман Б.Б.* Экологическая специализация России в глоболизирующемся мире (проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–89.

³ *Журавская Т.Н.* Моральная экономика «хищников»: случай дальневосточных поселений // Terra Economicus. 2013. № 4. С. 44–53.

⁴ *Tönnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Vierte und fünfte Auflage. Berlin: Verlag Karl Curtius, 1922.

отношений¹. А реципрокность, как отмечает С.Ю. Барсукова, положительно влияет на жизнестойкость сообщества, оказываясь своего рода страховою системой; уклоняющиеся от нее рискуют утратой доверия и попаданием в социальную изоляцию². Более того, по Поланьи, для первобытных или близких к ним обществ характерен коллективизм и общинная поддержка слабых, вследствие которой никому не грозит индивидуальный голод³.

П.А. Кропоткин⁴ утверждал, что естественным является состояние взаимной помощи и поддержки, а вовсе не гоббсова «война всех против всех», как было принято считать в то время. Он был убежден, что общины, общинное землевладение и сельское самоуправление в Центральной и Западной Европе отмирали вовсе не по объективным экономическим законам, а в результате многовековой методической разрушительной государственной политики. Ликвидация общин и «поглощение всех общественных отправлений государством»⁵ привели к росту разобщенности и несамостоятельности в сельской среде и бюрократизации жизни крестьян. Близкие к этому мысли содержатся в работе Барсуковой: она считает, что межсемейная кооперация развивается в условиях враждебного государства и практически сходит на нет при государстве социальном⁶. Напрашивается вывод: чем дальше находятся институты публичной власти и чем менее они ощутимы, тем выше должны быть уровни взаимопомощи и самоорганизации в сельском сообществе. Похожая логика прослеживается и в одном из тезисов Каганского. По его мнению, депрессивная внутренняя периферия является неотъемлемой частью российского культурного ландшафта, имеющего природно-имперский характер, то есть формирующегося и уни-

¹ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. № 2. С. 62–73.

² Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29.

³ Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 505–513.

⁴ Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29.

фицирующегося государством по единому образцу, без оглядки на его естественность для тех или иных мест. И в нем иная, самобытная, «осмысленная» жизнь сохраняется лишь «в щелях и зазорах, неизбежных при заполнении пространства стандартными формами-проектами»¹, а в таких «щелях и зазорах» находятся и оторванные от государства пространственно изолированные населенные пункты.

Ю. М. Плюснин полагает, что пространственно изолированные общины часто демонстрируют не только развитость реального местного самоуправления, но и устойчивость к внешним воздействиям, таким, например, как, экономический кризис в стране. Также он утверждает, что только достаточное (с необходимым количеством ресурсов) и присвоенное (контролируемое) пространство может стать общинной, самодостаточной и самоуправляемой территорией², то есть в плотно заселенной местности таковой не найти.

Соответственно, предположение о прямой (а не обратной) связи между уровнем пространственной изоляции и устойчивостью сообщества также вполне закономерно.

В ходе экспедиций, посвященных изучению влияния пространственной изоляции на социальную структуру сельских сообществ³, автором было замечено, что одни сообщества выглядят «живее» своих неизолированных соседей, другие — наоборот. Также сообщества с аналогичным уровнем изоляции в разных регионах могли характеризоваться различным уровнем «живости», или устойчивости⁴. Последовавшие более детальные наблюдения

¹ Казанский В.Л. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. М.: Стрелка пресс, 2013. С. 7.

² Плюснин Ю.М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 38–50.

³ В рамках проекта «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти» (при финансовой поддержке Фонда «Хамовники», 2012–2014).

⁴ Под «устойчивостью» понимается не устойчивое развитие (sustainable development), а именно сама устойчивость, определяемая динамикой численности постоянного населения (реальной, а не официальной), его возрастной структурой, качеством жизни, а также степенью сплоченности и самодостаточности сообщества.

привели к выводу, что во внимание стоит принимать не только сам факт пространственной изоляции, но и ее уровень.

Таким образом, объектом исследования были деревни, села и поселки, из которых проблематично добираться даже до районного центра. Поэтому в него не включались, к примеру, города Нарьян-Мар или Петропавловск-Камчатский, несмотря на то, что попасть в них из других регионов России можно только по воде или по воздуху. Изолированными не считались места, куда круглогодично, ежедневно и без проблем можно добраться как личным, так и общественным транспортом, а также военные городки, вахтовые поселки при месторождениях, кордоны в заповедниках и прочие ведомственные объекты, не являющиеся полноценными населенными пунктами, и чье существование полностью зависит от политики организаций, в структуру которых они входят. Нами были обследованы 15 пространственно изолированных локальных сообществ в Карелии, Коми, Архангельской, Костромской и Мурманской областях. Исследование проводилось по месту проживания информантов методами глубинного интервью и наблюдения, в том числе с элементами включенного наблюдения. Взято 63 интервью у 85 местных жителей, также проведено около 75 бесед, не учитывавшихся как отдельные интервью. Вне исследуемых сообществ, но в тех же муниципальных районах взято 4 интервью с сотрудниками администраций сельских поселений (как муниципальных образований), на территории которых есть пространственно изолированные деревни, и еще одно интервью — с местным жителем, хорошо знакомым с предметом исследования.

Обследованные сообщества схожи в этноконфессиональном отношении (в некоторых селах помимо русских живут коми, ненцы и саамы, но степень их обрусения позволяет пренебречь этим фактом). Как выяснилось в ходе экспедиций, сравнивать можно лишь аналогичные сообщества, основным различием которых является именно уровень пространственной изоляции, поскольку в противном случае вмешиваются слишком много посторонних факторов. Сравнимые населенные пункты должны находиться не только в одной этноконфессиональной и культурной среде, но и по соседству (в одном районе или в соседних районах), а также иметь сопоставимые численность населения и структуру экономики на момент распада СССР.

В выборку попали локальные сообщества с самой разной степенью пространственной изоляции. Нужно отметить, что изоляция извне существенно отличается от изоляции изнутри: местным жителям проще выбраться на большую землю, чем сторонним людям попасть сюда — у первых есть соответствующая условиям техника (вплоть до гусеничных вездеходов). Наименее изолированным оказался поселок, расположенный всего в одном километре от районного центра, но отделенный от него рекой без моста и паромов. Наиболее изолированным стало село, удаленное от ближайшей дороги на 120 километров. Летом туда можно добраться только вертолетом, который летает из районного центра раз в неделю, но билет в одну сторону по состоянию на лето 2013 года стоил примерно 2,5 тыс. руб., поэтому жители пользуются вертолетом в среднем раз в год. Зимой открываются поддерживаемый самими жителями тракторно-вездеходный и снегоходный пути по тундре, замерзшим болотам и озерам (на автомобиле и даже на внедорожнике туда нельзя доехать никогда). При этом в данное село, пусть и дорого и всего раз в неделю, но можно долететь круглый год, а есть в выборке населенные пункты, куда, как правило, добраться легче, но они могут быть полностью отрезаны по месяцу и более из-за ледохода, ледостава или половодья, залившего дорогу. Официального общественного транспорта в большинстве этих населенных пунктов нет совсем. Кое-где он частично компенсируется неофициальным, варьирующим от места к месту.

В связи с этим автором различается незначительная, значительная и средняя пространственная изоляция. К селам в незначительной изоляции отнесены те, в которых одновременно отсутствует: 1) ежедневное сообщение общественным транспортом; 2) дорога с твердым покрытием; 3) всесезонная дорога при наличии пешей доступности туда-обратно за один день до места, не находящегося в пространственной изоляции, либо отсутствие пешей доступности при наличии всесезонной дороги. К селам в значительной изоляции отнесены села, характеризующиеся единовременным отсутствием: 1) хотя бы еженедельного сообщения доступным (по цене) общественным транспортом; 2) всесезонной дороги; 3) пешей доступности. Промежуточные населенные пункты находятся в средней изоляции. Важно, что речь идет о стартовых условиях, в которых локальные сообщества

оказались в результате не зависевшего от них резкого снижения транспортной доступности, случившегося либо из-за закрытия селообразующего предприятия (колхоза, совхоза, леспромхоза) и исчезновения соответствующего транспорта и техники, либо из-за ликвидации, урезания или многократного удорожания сообщения общественным транспортом. Действия, которые местные жители предпринимают для того, чтобы приспособиться к новым условиям, в градации не учитываются. Два населенных пункта из выборки находятся в незначительной изоляции, 10 — в средней, 3 — в значительной.

Проведенное исследование показывает, что оба упомянутых подхода к влиянию пространственной изоляции на устойчивость локальных сельских сообществ не могут претендовать на универсальность. Действительно, массовое банкротство сельскохозяйственных предприятий и леспромхозов на нечерноземной периферии чаще всего приводит к вымыванию трудоспособного населения из села и возникновению отходничества — временной трудовой миграции¹. Однако, как справедливо замечает О.П. Фадеева, альтернативой может стать освоение природных богатств в случае слабого над ними контроля². А в пространственно изолированных селах слабее всего контроль, и зачастую невозможно и отходничество.

Это подводит к выводу, что устойчивость локальных сельских сообществ с нарастанием пространственной изоляции сначала падает, а потом начинает расти (рис. 1). Сообщества, находящиеся в значительной пространственной изоляции, порой оказываются даже устойчивее аналогичных неизолированных сельских сообществ³.

¹ Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.

² Фадеева О.П. Трансформация хозяйственных укладов и потенциал самоорганизации сельских сообществ // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация / под ред. А. М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 23.

³ Позаненко А.А. Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти // Социальная география, социобиология, и социальные науки: моделирование и прогнозирование процессов развития регионов Ближнего Севера России: материалы V Международной научной конференции / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Грифон, 2014. С. 72–77.

Инф. 1: Я вообще считаю, что здесь еще неплохо.

Инф. 2: Здесь жилое! Плачут: переправа, переправа! А что переправа? На той стороне...

Инф. 1: И переправа не нужна, и асфальт есть, а деревни сдохли!
(чета предпринимателей, около 45 лет,
Костромская область, ноябрь 2013 г.)

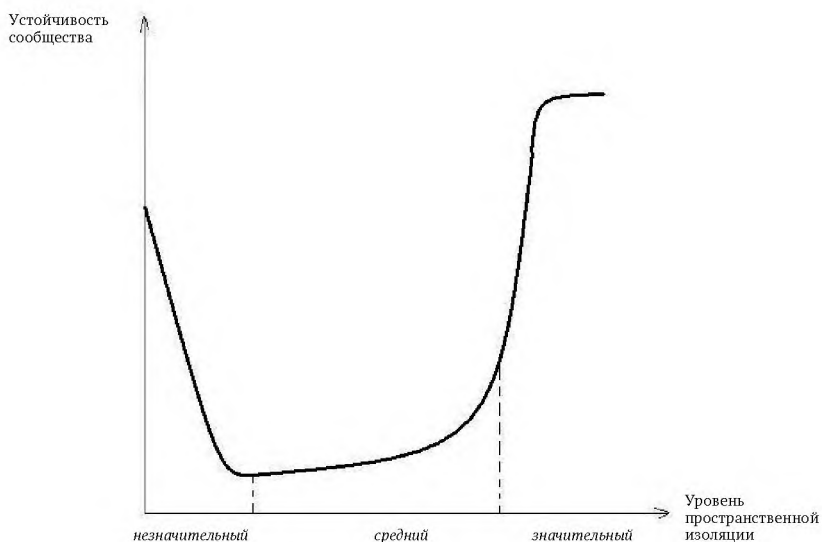

Рис. 1. Зависимость устойчивости локальных сельских сообществ от уровня пространственной изоляции

Объясняется это следующим образом. Трудности, связанные с пространственной изоляцией, проявляются сразу, но вскоре практически перестают расти с дальнейшим увеличением уровня изоляции. К ним относятся неудобства, связанные с плохими транспортной досягаемостью и снабжением, труднодоступность сколь-либо развитого рынка труда (в том числе и для потенциальных отходников), низкая рентабельность бизнеса (особенно официального) и др. Преимущества пространственной изоляции,

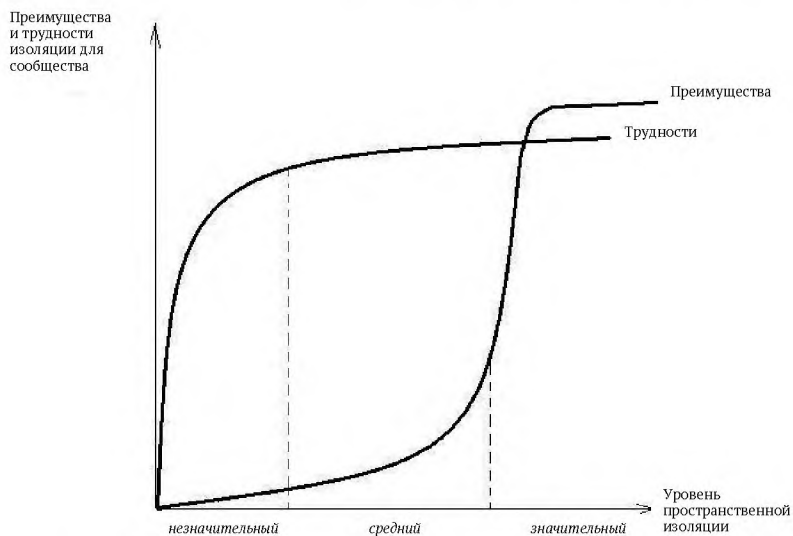

Рис. 2. Зависимость трудностей и преимуществ пространственной изоляции для сельского локального сообщества от ее уровня

напротив, проявляются лишь при достижении значительного ее уровня (рис. 2)¹.

Основным из преимуществ является возможность безраздельно и по собственному усмотрению пользоваться природными ресурсами. В такие населенные пункты почти или вовсе не добираются ни контролирующие инстанции, ни заезжие охотники и рыболовы. Местные жители осознают это и в большинстве своем считают изоляцию и отсутствие дороги благом, обеспечивающим им чувство практически полной свободы и возможность вести нравящийся образ жизни в спокойном, понятном, своем мире.

Будем надеяться, село наше не вымрет, а будет жить тихонечко. Надо, чтоб жило-то. Привыкли уже здесь, сами по себе.

¹ Вероятно, при достижении определенного уровня изоляции ее преимущества, проявившись в полной мере, практически перестают нарастать. Например, не должно быть принципиальной разницы между удаленностью от ближайшей дороги на 500 и на 1000 километров. Таким образом, кривая преимуществ весьма похожа на логистическую кривую (см. уравнение Ферхюльста), хотя первая выводилась автором не математически, а исключительно аналитически.

Отдельная типа республика. Я лично против того, чтоб дорога тут была.

(связист, около 45 лет, Мурманская область, июль 2013 г.)

Дорога — палка о двух концах. С одной стороны, приток людей был бы. Одни приехали, другие уехали. Может быть, коммерция какая-то, торговля. Продуктовая коммерция, может, поживее бы была и подешевле. А с другой стороны, это уже будет не село само-бытное. Это уже понаедут, это будет и воровство, и всякое такое хулиганство.

(пенсионерка, 66 лет, Мурманская область, июль 2013 г.)

Инт.: Как Вам кажется, то, что село труднодоступно, это благо или вред?

Инф.: В одном смысле это благо. А то иначе бы тут ё-мое.

Инт: Вы бы хотели, чтобы был мост через реку, асфальт сюда?

Инф.: Нет, лучше пусть так, как есть.

(лесничий, около 55 лет, Костромская область, ноябрь 2013 г.)

Мурманскому селу, например, губернатор предлагала построить дорогу, но на общем сходе жители села отказались. За дорогу выступали преимущественно те, кто переехал туда относительно недавно.

Для сообществ, находящихся в значительной пространственной изоляции, характерны общинные отношения и вытекающий из них высокий уровень взаимопомощи и самоорганизации, которые позволяют эффективно решать общие проблемы. Люди дорожат такими отношениями и не хотят их лишиться.

Доступность природных ресурсов, удовлетворенность образом жизни и сплоченность жителей, накладываясь на трудности переезда и перевозки имущества, ведут к высокой устойчивости этих сообществ. На то, что безраздельный контроль над природными ресурсами зачастую делает труднодоступные деревни жизнеспособнее своих изолированных аналогов, указывают также А. А. Кулясова и А. В. Овчинников¹.

¹ Кулясова А. А., Овчинников А. В. Возможности, проблемы и опыт устойчивого сельского развития // Гуманитарные и естественнонаучные факторы

Современная российская деревня (по крайней мере на уровне нарратива) живет преимущественно прошлым, ностальгирует по нему и мало надеется на будущее¹. Безусловно, эти настроения присутствуют и в пространственной изоляции, но плач о прошлом тише, жители настроены оптимистичнее и зачастую даже считают, что живут хорошо, и верят в то, что их деревни ждет не вымирание, а полноценная жизнь.

Люди стали рожать. Кто-то второго, кто-то третьего. Женщины не боятся. <...> Ничего, живем. Уезжать не собираемся.

*(женщина-метеоролог, 62 года, Мурманская область,
июнь 2013 г.)*

Целыми семьями из пространственно изолированных деревень уезжают редко. Взрослые и тем более пенсионеры сильно привязаны к своему месту жительства и родному сельскому сообществу. Те немногие, кто был бы не прочь переехать, — почти исключительно женщины, поскольку мужчины совершенно не представляют жизни без своих леса и реки.

Я бы, может, и хотела уехать, но он, наверное, не уедет. Он же лесной.

*(женщина-почтальон, около 50 лет, Костромская область,
февраль 2013 г.)*

Даже многие дети связывают свое будущее с малой родиной и собираются вернуться после получения профессионального образования, и некоторые, хотя и меньшинство, действительно возвращаются.

Одно событие может одномоментно вывести сообщество из устойчивости — закрытие школы. Без врачей, как показывает исследование, деревня вполне может прожить, «скорая» в большинство обследованных населенных пунктов не выезжает (часто

решения экологических проблем и устойчивого развития. Ч. 1. Новомосковск: Новомосковский филиал УРАО, 2014. С. 108–109.

¹ См., например: Бредникова О. Деревня умерла? Да здравствует деревня! (еще раз к вопросу о различиях города и деревни) // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой и О. Бредниковой. СПб.: Алетейя, 2013. С. 48.

она даже гипотетически не может проехать), на месте в лучшем случае есть только ФАП, а вот без учителей в зоне досягаемости — нет. Благо, обычно школа закрывается только тогда, когда в деревне остается не более нескольких учеников, а иногда ее и вовсе держат до упора. В противном случае местные жители не в состоянии обучать детей на дому (им это и в голову не приходит). Отправлять же детей к родственникам или в интернат решаются немногие, не говоря уже о том, что интернаты есть далеко не во всех районных центрах.

А потом, когда здесь полную школу закрывали... У меня старшая в 10-й класс шла. <...> И все, и как? Куда-то в техникум не хотелось. <...> У нас встал вопрос переезжать.

(священник, около 40 лет, Костромская область, ноябрь 2013 г.)

С закрытием школы, семьи, в которых есть школьники, вынуждены переезжать, оставляя на месте только бабушек и дедушек.

Подытоживая, можно сказать, что сельские сообщества, живущие в значительной пространственной изоляции, по сути, уже находятся за пределами пространства, рассматриваемого Т.Г. Нефёдовой, где-то за периферией. Равно как и вне природно-имперского ландшафта В.Л. Каганского: у них нет не только горизонтальных транспортных связей с соседями, но и вертикальных — с центрами своих сельских муниципалитетов и районов. Государства здесь практически нет, оно ушло и теперь сюда не дотягивается.

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на два устоявшихся подхода к пространственной изоляции, в которых ей приписывается соответственно либо деструктивное, либо конструктивное воздействие на сообщество. Наблюдения автора показывают, что недостатки изоляции, по большей части, возникают уже при незначительном ее уровне, тогда как преимущества (основным из которых является возможность по своему усмотрению и бесконтрольно пользоваться окружающими природными ресурсами) появляются лишь в условиях значительной изоляции. Иными словами, при высоком уровне изоляции, по всей видимости, влияние ее минусов на устойчивость сооб-

ществ компенсируется и иногда даже перевешивается влиянием ее плюсов.

Нужно подчеркнуть, что речь идет именно об устойчивости села к кризисным явлениям и внешним воздействиям, а не о непременном превосходстве значительной изоляции над незначительной. И в условиях, благоприятных для развития села, значительно изолированные локальные сообщества оказываются, наоборот, в худшем положении, нежели их менее труднодоступные или нетруднодоступные соседи. Автор убедился в этом, работая над другим исследованием¹ в Горном Алтае, где довелось получить представление о двух значительно изолированных местных деревнях. Их состояние сопоставимо с состоянием аналогичных труднодоступных сел в европейской России. В то же время по динамике численности населения и уровню жизни они уступают большинству соседних неизоллированных деревень. Этот факт, казалось бы, противоречит основному выводу статьи, однако он объясняется тем, что горно-алтайское село, в отличие от европейских северного и нечерноземного, отнюдь не находится в кризисе. По наблюдениям автора, в большинстве горно-алтайских деревень количество жителей растет, а хорошие условия для скотоводства и собирательства, а также обслуживание туристов и охота позволяют, не покидая родных мест, неплохо зарабатывать. На таком фоне труднодоступные деревни выглядят менее выигрышно.

Таким образом, локальные сообщества, находящиеся в значительной пространственной изоляции, в регионах с благополучной и неблагополучной сельской местностью оказываются в схожем абсолютном положении, однако в совершенно разном относительно своих менее изолированных или неизоллированных соседей.

¹ Проект «Охота и охотники юго-востока Республики Алтай» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники», 2017–2018).